

Александр Торин

Жизнь и удивительные похождения Степы Шишкина

Copyright © 2002 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

посвящается Степе Лиходееву

1.

Жизнь Степана Шишкина можно было считать удавшейся до того самого момента, когда его похитила летающая тарелка.

Степан с утра до позднего вечера работал: сидел на совещаниях, отвечал на телефонные звонки и нажимал на клавиши компьютера. За это Шишкин получал зарплату, которая позволяла оплачивать квартиру, бензин, детский сад, продукты и одежду. А также тренажерный зал для супруги Ксении и занятия фортепиано для дочки Наденьки.

Иногда Степан сожалел о том, что не стал крутым бизнесменом, или хотя бы представителем теневых экономических структур. Обычный рабочий муравей с высшим техническим образованием, покорно тянущий свою ляжку. А виной всему была его мама, Евдокия Клавдиевна, работавшая вахтершей в почтовом ящике.

– Пойдешь на инженера учиться, – вздыхала мама вечерами, накладывая в тарелку макароны с жареной любительской колбасой. – Смотри, жизнь у них какая. На автобусах привозят, работа чистенькая – бумажки там, карандашики. Иной вообще

непонятно чем занимается, сидит – книжки читает. Столовка за государственный счет. Покурят на лестнице, книжки обсудят, и домой. Давай, оболтус, физику с математикой зубри, а не то грузчиком станешь.

Так оно и вышло. Закончил Степан обычный технический ВУЗ, каких в старые времена в столице можно было несколько десятков насчитать. Начал работать в конструкторском бюро, да сломалась вдруг жизнь. Налетевшая пурга подхватила его, закрутила страну вихрем, и приземлился Степа рядом со своим сокурсником, талантом, отличником, к тому же человеком хватким и целеустремленным.

– Ты, Степан, мне годишься, – бывший ленинский стипендиат Толик, теперь Анатолий Иванович, выглядел солидно. – Работы много, легкой жизни не обещаю. Но если выгорит, жить будем хорошо. Рисковать готов?

– Угу, – подтвердил Степан, и пошло-поехало. Сначала занимались одним, потом другим, под конец третьим, а когда земля начала расползаться под ногами, нашлись вдруг крайне заинтересованные этим третьим капиталисты. Так и вышло, бывшие сокурсники оттолкнулись от земли и в свободном полете перебрались через океан. Приземлились они в двухэтажном здании с тонированным стеклом, каких в тех краях было не счесть.

Жизнь на новом месте вначале удивляла, потом нравилась, позже раздражала, но через несколько лет стала привычной. Работа, дом, вылазки на природу, на Новый Год и летом поездки в Москву. Словом, ничто не предвещало скорых перемен...

Но человек предполагает, а Вселенная располагает.

2.

Вечер, предшествовавший поворотному моменту судьбы, ничем особенным не запомнился. Телефон на столе Шишкина не умолкал, а сам Степа невразумительно бурчал что-то в телефонную трубку, надеясь, что клиенты оставят его в покое хотя бы на денек-другой. Одновременно он пытался найти ошибку в программе, написанной несколько лет назад неизвестным шабашником. Программу эту с тех пор не проверяли, но недели две назад она вдруг начала выдавать ошибки, да такие, что единственным спасением от них была перегрузка компьютера.

В половине седьмого позвонила законная Степанова половина Ксения, и поинтересовалась, когда Шишкина ждать домой.

– Уже иду, Ксюшенька, еще полчасика.

– Ох, надоели мне твои авралы. Не забудь, кстати, что завтра Наденьку пригласили на день рождения к подружке. За подарком заедешь?

– Черт, совсем забыл, – Степан в отчаянии поглядел на экран, затем на часы, и понял, что если он не уйдет с работы в течение получаса, в магазин ему уже не попасть.

– Работаешь, Степа, – в его кубик заглянул Анатолий Иванович.

– Работаю, – чертыхнулся про себя Шишкин. В последнее время разговоры с начальством ничего хорошего не предвещали.

– Я вот о чем подумал, – начал издали бывший институтский товарищ. – Надо нам как-то менять стиль работы.

– Надо, Толя.

– Мы ведь с тобой, Степа, все это начинали. Вот я и пришел посоветоваться.

– Пришел он, – подумалось Степану. – Сам акций нахапал, а с другими поделиться – шиш!

Взаимоотношения Шишкина с президентом компании были предметом постоянных семейных пререканий. «А ты пойдешь к нему и скажи, – возмущалась Ксения, – так мол, и так, Толя, не по-товарищески это»

– Да не могу я, – упрямылся Степан.

– Ну и рохля же ты, вкальываешь с утра до ночи. Другие позже пришли, и какие премии отхватили, а ты сидишь на окладе, да помалкиваешь. Вот тебя и не продвигают. И до самой пенсии не продвинут, если она здесь бывает.

– Знаешь, Ксения, в нынешние времена выбирать не приходится. Мишку вот уволили полгода назад – до сих пор работу найти не может, дом продал, собирается в Россию возвращаться.

– Сравнил себя с Мишкой, тоже мне. Обычный инженеришка, таких вокруг пруд пруди. Да ты, можно сказать, у истоков стоял...

– У истоков, у истоков, – крутилось в голове у Шишкина. Что-то говорил бывший Ленинский стипендиат Толя, и тут произошло странное, вернее, секундное умопомрачение. В ушах возник свист и бурчание, как будто настраивают радиоприемник. «Исток. Течь. Течет река Волга. Родник. Источник. Ключ. Бить ключом по голове» – протрубил с неестественными интонациями чей-то гнусавый голос, раздалось явственное бульканье спускаемого бачка в туалете, и помехи исчезли.

– Вот ты, Степа, скажи, работой своей доволен?

– Ну, ты спросил, Анатолий Иванович.

– А ты прямо скажи, не стесняйся.

– Дай подумать. Ну, конечно, нагрузка большая. Рутин много, не успеть всего. Тут залатаешь – там порвется. Знаешь ведь, как это бывает.

– А я тут подумал, Степан, и пришел к выводу, что ты работу организовывать не умеешь.

– То есть? – Степану стало обидно, одновременно он почувствовал, как по спине его распространяется холодок.

– Да что тут демагогией заниматься, Степа. Все сам стараешься сделать, нет, это похвально, но с определенного момента начинает мешать. Вот взял бы, распределил проекты. К примеру, молоденький мальчик, рядом с тобой сидит. Поручи ему ошибки в программах искать. Девчущку эту, симпатичную, посади на телефонные звонки отвечать. А сам – руководи.

– Так ведь не справятся они, Анатолий Иванович. Таких дров наломают, полгода расхлебывать придется.

– А где не справятся, там ты подстрахуешь. Расти надо, Степан, расти.

– Надо, Анатолий Иванович.

– Ну, ты подумай еще об этом.

– Обязательно.

– Да, Степан, ты уж не забудь, через два дня систему сдаем заказчикам. Проверь там все основательно, ты же знаешь, как у нас все делается. Никому доверять нельзя.

– Знаю, Толя, знаю.

*

– И о чем это он? Может быть, повышение хочет дать, а может и совсем наоборот, – мелькнуло в голове у Шишкина, но, взглянув на часы, он тихо чертыхнулся и побежал к выходу из здания.

3.

В магазин игрушек попал он за десять минут до закрытия, схватил коробку с куклой «Барби», и в начале десятого был дома.

– Это папа пришел? Папа? – звонким голоском закричала дочка. Степан поцеловал ее в головку, пожелал спокойной ночи и прикрыл дверь в спальню. Ксения разговаривала с подругой, соорудив мужу выразительную гримаску, из тех, какие делают женщины, ни за что не желающие прервать разговор, но делающие вид, что женский треп этот им в тягость. Не оставляя трубку, Ксения достала из холодильника тарелку с зелеными листиками и пластиковую бутылку с белым диетическим йогуртом.

– Опять салат, – с отвращением посмотрел Степа на зеленую массу.

– погоди секунду, Ирочка. – Ксения оторвалась от телефона. – Степушка, ты верно забыл, что два дня в неделю у нас здоровое питание?

Из пластиковой бутылки на салат плюхнулась обезжиренная кислятина белого цвета.

– Забыл, Ксюш. Да разве все упомнишь.

– Да, Ирочка, извини. И что она тебе сказала? Ну и дура, – Ксения демонстративно развела руками, мол, ничего не поделаешь, и ушла в комнату.

Шишкин задумчиво поковырял вилкой листики шпината. Ему хотелось борща, наваристого, с мясной косточкой, такого, как готовила Евдокия Клавдиевна. С черным хлебом, чесночком. – Хоть колбаски взять, – Степан с надеждой направился к холодильнику, но тут в дверь позвонили.

На пороге стоял Василий, сосед по квартирному комплексу и сослуживец Степана. Василий приехал в компанию несколько месяцев назад, и пока суть, да дело, жил один.

Семья его в количестве четырех детей и обширной деревенской жены, должна была приехать через пару месяцев.

Временное холостяцкое существование усугубило в Васе пагубные наклонности. Вася отрывался, в основном предаваясь страстному алкоголизму. Все в компании слышали о том, как он с похмелья заплатил за квартиру чеком с собственной зарплатой. К тому же, Василий частенько наведывался к соседям с невинным предложением послушать музыку и закусить.

– А что, Степа, холодный сегодня вечер, – заморгал Василий, показывая глазами на квадратную бутылку, торчащую из пластикового пакета. – Привет, Ксения. – Я говорю, рано у вас здесь холодает.

– Здравствуй, Вася, – холодно кивнула ему Ксения. – Опять не спится?

– Да время еще детское, – кашлянул Василий. – Не в духе сегодня? – понимающе подмигнул он Степану. – Бывает. Может, я в другой раз? Ты не стесняйся, скажи.

– Да нет, нет, заходи, – Степан заметил, что рядом с бутылкой свернулась в бумажном пакете кольцом колбаса, судя по аппетитному виду, из русского магазина.

– Я, Степа, ненадолго. Рылся сегодня в магазине, такой диск откопал. Это же молодость, помнишь, в общаге пленки друг у друга переписывали?

Дальше пошло как по писаному. Вася быстро опьянел, включил музыку на полную громкость и начал танцевать. В результате он разбудил дочку и соседей снизу, которые пообещали пожаловаться менеджеру.

Разгневанная Ксения демонстративно хлопнула дверью и ушла спать, после чего Степан с Васей еще около часа разговаривали шепотом на рабочие темы. Степан жаловался на институтского приятеля Толю, а Вася тосковал по аспирантуре, которую он бросил, получив работу на другом континенте.

Около полуночи произошло единение душ: коллеги сошлись на том, что всюду плохо, и Вася, наконец, отправился спать.

4.

Шишкин вышел в дворик покурить. Он особенно ценил эти редкие минуты уединения. Вечер выдался теплым, в южном ночном небе мерцали звезды. В кустах шуршал какой-то зверь: то ли соседская кошка забрела, то ли опоссум, который время от времени совершал инспекцию жилых двориков. Легкий ветерок время от времени покачивал полые трубочки, висевшие около забора, уличный колокольчик мелодично позвякивал.

Степан жадно затаился, выдохнул дым и попытался охватить мыслью бесконечность вселенной. Вид ночного неба наводил его на философские обобщения. Там, в черной бездне, пульсировали огромные звезды, мутная белесая россыпь млечного пути состояла из миллионов светил. Жизнь Степана, его физическая оболочка, и даже сознание казались ничтожными по сравнению с космосом.

Налетевший из-за угла теплый ветерок игриво шлепнул Шишкина по щеке, и колокольчики неожиданно чисто сыграли марш авиаторов.

– «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» – отчеканили они, после чего наступил полный штиль.

Степан подскочил, как ужаленный, он даже выронил изо рта сигарету. Будучи человеком технического склада ума, он понимал, что вероятность только что происшедшего ничтожна. «Выпил, расслабился, заснул», – успокоил он себя. – Однако, пора спать...

Снова налетел ветерок. «Нам разум дал стальные руки крылья « – пропели полые трубочки, слегка сфальшивив на последней ноте.

Степан ущипнул себя за руку. Пришло ему в голову, что вероятности перемножаются, и еще почему-то, что если явление повторяется хотя бы два раза, то это закон. Он

бросился в дальний угол сада, поближе к висячему колокольчику. Трубочки тихонько раскачивались.

– Твою мать! Неужели я сошел с ума? – Степан почувствовал, что ноги его немеют.

– Твою мать! – повторил гнусавый голос. – Его мать. Их мать. Ее мать. Наша мать. Родина. Еду я на родину.

Странный, светящийся шар висел справа от дерева. Внутри шара переливались разноцветные молнии фрактальной структуры. Из шара вытянулся протуберанец бледно-зеленого цвета, окутал Степана призрачным сиянием, и каким-то дьявольским образом высосал Шишкина внутрь. Последнее, что услышал Степан – торжествующее бульканье, как будто в туалете спустили бачок.

5.

Когда Степан очнулся, ощущения его были более чем странными. Казалось, каждую клеточку Шишкина нанизали на звезду, или галактику. Миллиарды Степановых составляющих были разнесены в межгалактическом пространстве, и, что самое обидное, смотрели при этом маленькими глазками в разные стороны.

А сам Степа находился в мире теней. Тени, вернее, призрачные облачка, внутри у которых что-то мерцало, переливались в крошечной тьме, уходящей в вечность. В ушах у Шишкина что-то едва слышно побулькивало, как ненавидимый им унитаз в комнате, которую он снимал в студенческие годы.

Степа попытался пошевелить пальцами, и не смог этого сделать. Хуже того, нигде он не чувствовал прочной опоры, казалось, что он висит в невесомости, скованный невидимыми ниточками.

– Мама, – прошептал Шишкин. Он вспомнил, как Евдокия Клавдиевна приходила с работы в своем стареньком драповом пальтишке и беретике, и варила ему, неразумному, картошку на газовой плите. – Мамочка, – Степе стало жаль маму, да и себя самого. Разве могла она знать, что случится с ее сыном. Вдруг, ни за что, ни про что.

– Мама, – повторили облачка и радостно забулькали. После чего началась совсем уже бесовская вакханалия. – «Не жди ты старушка, любимого сына» – гроыхало, как в железной бочке. – «Меня засосала опасная тряпина».

– Изверги проклятушие! – Слезы выступили у Шишкина из глаз, в носу стало влажно, и он чихнул.

От чихания его облачка явным образом возбудились, и начали ритмически пульсировать. Они то сливались вместе, то распадались на маленькие светящиеся тороиды. Степану стало жутко.

– Неужели резать будут? Кровушка моя, печенка, железы родимые. Не дамся!

– Режьте, режьте вы билеты, режьте осторожно, – гроыхнул оркестр. – Режьте, режьте, перед вами пассажир дорожный.

– Ироды, – застонал Шишкин. – Интересно, они меня для живого уголка, или для музейного экспоната похитили? И перед глазами Степана отчетливо возник давно забытый весенний день.

6.

Школьную биологичку звали Анжеликой Семеновной. Несмотря на чувственное имя, вызывавшее ассоциацию с героиней эротических романов, училка напоминала преждевременно высохшую мумию с выраженными монгольскими скулами.

Над доской в кабинете биологии висел плакат, наглядно отображающий эволюционное древо. В самом низу его располагались простейшие черви, над ними плыли необычайной красоты амебы, куда-то вбок ответвлялись тараканы, мертвой петлей пикировали в

преисподнюю (юрские и меловые отложения) моллюски, за ними амфибии и динозавры. К небесным высотам восходили волосатенькие, подлые хищники, напоминавшие гиен с угольками в глазах. Они превращались в мохнатых обезьян, затем в мускулистых питекантропов с низко посаженным лбом, и, наконец, – эволюционное древо не оставляло сомнений в предназначении эволюции, – все ветви заканчивались прямым под портретом Маркса и Энгельса. Бородачи, в свою очередь, подобострастно смотрели на Ленина, завершавшего эволюционную пирамиду.

– Вы только представьте себе, – Анжелика Семеновна рассказывала о секретах родной земли. – Когда-то на месте нашего микрорайона плескалось море. В нем плавали трилобиты, даже акулы.

– Анжелика Семеновна, можно вас на минутку, – в кабинет заглянула Вера Ивановна, толстая, сентиментальная завуч. Поговаривали, что Вера Ивановна тайком выпивает в школьном красном уголке.

– Попрошу внимания! Сегодня, в понедельник, учительница физики, как и учительница физкультуры внезапно заболели.

Класс радостно загудел.

– Слушайте меня внимательно, – повысила голос учительница. – Вместо уроков мы отправляемся на экскурсию в лес. Всем классом. Будем наблюдать и изучать флору и фауну Подмосковья. По результатам нашего похода вы к следующему уроку напишете подробный отчет. Да, – неумолимо продолжала Анжелика, несмотря на разочарованный стон класса. – Этот отчет и будет вашим домашним заданием. А сейчас все спускаются на первый этаж и организованно идут к «Конюшне».

7.

«Конюшня» – это такой продуктовый магазин на границе микрорайона и лесопарка, в котором всегда пахнет прелой крупой, вином и хлебом, если заморозить пространственно-временной конус в Москве восьмидесятых годов прошлого века. Когда-то, в славные времена кавалерийских полков имени Буденного и Ворошилова, в этом кирпичном здании располагался небольшой конно-племенной завод, позже вокруг понастроили пятиэтажек, которые с энтузиазмом снесли в начале следующего века.

В винном отделе Конюшни продавалось болгарское вино «Солнцедар» – зеленая бутылка за два пятьдесят.

Пока девчонки рассматривали червячков и гусениц, на полянке блаженствовали Степан и его школьные друзья – долговязый Гоша, красавчик Леха, заводила Мишка. Леха сгонял в магазин. Какие там оценки в четверти, когда природа полна цветения, майские листочки еще клейкие, ноздри режет дымок, и повсюду растет ландыш. «Солнцедар» закусывали батонком за тринадцать копеек и скумбрией холодного копчения.

– Шухер! – Леха торопливо сунул бутылку в кусты.

– Ну, мальчики, как успехи?

– Хорошо, Анжелика Семеновна, – закашлялся Степан, прикрывая рот. – Только что видели майского жука.

– Молодцы. Обратите внимание на гусениц...

– Анжелика Семеновна, – позвала учительницу Вика. Она была самой красивой девушкой класса. – Смотрите, что мы нашли.

– Иду, иду, – заторопилась биологичка. – Помните, ребята: сейчас, в период распускания листвы, велика активность насекомых.

– Анжелика Семеновна, она кусается! – Вика была похожа на распускающийся бутон. Тоненькая, с длинными ногами и пышной грудью, разрывающей школьную форму. От нее распространялись голубые волны жасмина.

– Мужики, – Гоша проводил Вику жадным взглядом. – Вы сейчас думаете о бабах. Правильно?

– Я – думаю, – решительно признался Степан, провожая взглядом стройную фигурку в школьной форме.

– Мишка, а ты?

– А мне бабы надоели. Я их столько поимел, – Мишка презрительно нахмурился.

– Сколько? – ахнул Леха.

– Достаточно. Ты на своем веку столько не трахнешь. Уй, елки зеленые! Я нору нашел, – возбудился Мишка.

– Какую еще нору?

– Какую, какую. Большую. Тут волки живут.

– Волки, скажешь тоже. В этом лесу даже белок почти не осталось.

– Ну, может лиса, или барсук.

– Сейчас мы их выкурим, – Леха вытащил из кармана коричневую пачку сигарет «Камея» с античным профилем, зажег сигарету и выдохнул в норку облако дыма.

– Осторожнее, Леха, а то тебя сейчас как цапнут, придется от бешенства уколы делать.

– Так они тебе и вылезут, – Мишка скептически поморщился. – Здесь тонкий подход нужен. Вот, например, видел свистульку?

– Это чего у тебя такое? – с любопытством спросил Гоша.

– Свисточек-манок для селезней. Дядюшка подарил. Он меня на охоту обещал взять в заповедник. Там все Политбюро охотится, звери так и кишат. Рыбы до хрена. Тамошний лесничий вместе с дядькой техникум заканчивал.

– Ну ты и скажешь, возьмет сейчас, и на кряканье вылезет. Выкуривать его надо.

– А вдруг он подумает, что это утка?

– Эк тебя развезло с одного стакана, – зевнул Гоша.

– Кря, – сказал свисток. – Кря... Кря.

В норе что-то закопошилось.

– Держи, держи его, а то удерет. Сетку подставляй. – торжествующе взревел Мишка. – Точно, волчонок! А вы не верили, дядька у меня знаешь какой охотник.

– Колючий, зараза. Держи его!

– Тьфу, да это обычный ежик.

– Да, вроде ежик, – расстроился Мишка. – Ну и что, в живой уголок посадим. Ты в сетку его засунь, в сетку.

Пойманный ежик тут же свернулся клубком, начал сучить лапками, но безнадежно запутался в авоське, начал фыркать от пережитого ужаса и извиваться.

– Ежик, не бойся троянцев, дары подносящих, – выпучил глаза Леха.

– Ну, ты сказал, блин.

– Кароший ежик? Хенде Хох, – выпучил глаза Степан.

Животное свернулось клубком, и разворачиваться не желало, сопротивляясь лапками со сточенными когтями.

– Так не донесем, надо ему для храбрости выдать – убежденно заявил Мишка, пребывавший в эйфорическом состоянии.

– «Солнцедара?» – Леха с брезливым выражением лица вытряхнул ежика на землю, наклонил бутылку, и засунул остренький носик в горлышко. Ежик упирался лапками, захлебывался, чихал, но вскоре начал жадно лакать.

8.

Таким светлым и земным было это воспоминание, что Степану безумно захотелось вернуться в детство. По сравнению с черной бездной и подвешенным его состоянием, даже последующие события того дня представлялись ему с особой, ностальгической нежностью.

– Что же это такое? – подумалось ему. – Оказывается, мы все беззащитны перед космосом. Можно курить во дворе, можно спать в собственной кровати, и нет никакой гарантии, что в следующую микросекунду не прилетят эти поганые облачка, и... Все существо Шишкина восставало против насилия над личностью, и он начал переворачиваться в невесомости.

Забурлило в ушах, казалось, вода в неведомой емкости пузырилась и взрывалась чем-то вонючим. Пахло какой-то невообразимой гадостью. Сероводород с примесью духов, и вдруг – неуловимый, чувственный аромат моря, свежего тумана и можжевельника. Сигарет, кофе и красного вина. Креветок женских духов и греха.

Шишкин чихнул, затем жадно вдохнул этот ностальгический бальзам, и лоб Степана будто укололи миллиардом крохотных иголок. Иголки эти медленно поползли вверх, вниз, дошли до ушей, если они у Шишкина вообще еще были, и причинили томительную, страстную боль в губах.

В результате, Шишкин с невыносимой силой возжелал женщину. Некоторое время, возможно секунду, а возможно и несколько десятилетий, Степан грезил, не в силах оторваться от сладостных образов.

Когда он пришел в себя, светящиеся тучки кружились хороводом и игриво подмигивали, точно новогодняя иллюминация.

9.

– Слабаки, еще треть бутылки осталась, – Мишка решительно вылил остаток в кружку. – За ежика!

– Что-то меня качает, – признался Леха. – Уй, блин, – он рванул к свету, зацепился ногой за корень, и рухнул на тропинку...

– Куда ты лезешь, дубина! Вставай! Ну все, приехали.

– Алексей? – удивилась невеста откуда появившаяся на дорожке учительница. Рядом с ней была красавица-Вика. – Что с тобой?

– Я... Это. – Леха скривился, и его вырвало.

– Фу, какая гадость, – поморщилась Вика. Похоже было, что Лехе теперь никогда не удастся добиться от нее взаимности.

– Хороши, нечего сказать! – поджала губы Анжелика Семеновна. – Герои! – Игорь, немедленно выйди из кустов и подойди ко мне. Ну ка, дыхни! Пили?

– Мы больше не будем, Анжелика Семеновна, – испуганно затараторил Гоша.

– Степан, ты тоже принимал участие? А еще представитель рабочего класса. Что скажет твоя мать, которая с утра до ночи несет вахту ради твоего будущего?

– Простите нас, Анжелика Семеновна.

– Сообщить о происшедшем – обязанность советской учительницы. – поджала губы биологичка.

– Мы вот ежика для живого уголка заготовили, пушай это, живет. – Степан сконфуженно протянул учительнице авоську, и понял, что язык плохо его слушается.

– Час от часу не легче. Варвары! Губители живой природы!

– А чего такого? Для гербария.

– Вы сейчас же покажете мне, место, где нашли ежа! Еж – санитар нашего, советского леса.

– Это на опушке, Анжелика Семеновна, около сосны. – Спихватился Мишка. – Это все они. Я им говорил, не надо, а они...

- Предатель, – презрительно сплюнул Гоша. – Шестерка.
- Вы все виноваты, – тоном, не терпящим возражений, сказала учительница. – Так где вы его нашли, здесь?
- Да, вот норка, под корнями.
- Выпускайте. Осторожно, чтобы его не травмировать. Иди домой, ежик!
- Фас! – с радостным возбуждением выкрикнул Леха.
- Алексей, стыдись. Мы сию же минуту возвращаемся в школу, – холодно сообщила Анжелика Семеновна. – Из учительской вы позвоните родителям, и вызовите их к директору.
- Что ты еж такой колючий, – невпопад вспомнил Леха детсадовские утренники. – Это я на всякий случай. Знаешь, кто мои соседи? Коммунисты и медведи.
- Так, Алеша. Это уже чересчур. Признайся, где ты слышал такое стихотворение, в семье? На улице, в среде отщепенцев?
- Анжелика Семеновна, я спутал. Все напутал .
- Интересная история получается, Алексей. Неплохой ученик, из семьи советских трудящихся, является носителем чуждой нам в корне идеологии. И это в такое время. Все вы слышали о том, что империализм загнан в угол, огрызается и пытается совратить молодые души. В то время, как строители нового общества...

10.

Облачка перестали мигать. Разбившись на тороиды, они бросились врассыпную. Из пустоты появилась черная туча с бродившими внутри фиолетовыми разрядами. Туча была страшной, напоминавшей ядерный гриб.

– Вот и все, – понял Степан. – Училка пришла, сейчас этим тороидам – похитителям по первое число вставят.

Из фиолетовой сердцевины тучи выскочили маленькие молнии, молниеносно догнавшие и ужалившие шаловливые облачка, да так, что на каждом из них осталось светящееся фиолетовое пятнышко. В голове у Шишкина громко забулькало. Паровозный гудок («Откуда здесь поезд?» – удивился Степан) проревел первый аккорд гимна СССР.

– Союз нерушимый республик свободных, – продолжил Степан. Сразу же за этим, клеточки Степанова тела соединились вместе, и он начал с жуткой скоростью падать вниз.

– Мамочка, – заорал Шишкин, не в силах вынести сплетающихся в узлы созвездий, и зажмурился.

Падение было болезненным, по правде говоря, Степан слегка отбил себе копчик. Он снова чувствовал свое тело. Руки его держались за что-то холодное, слегка шершавое. Ноги упирались в твердь.

– Мама! – застонал Шишкин и осторожно приоткрыл глаза. Степаново тело сидело на плетеном стуле в родном дворике.

– Чего орешь, – из окна высунулась сонная Ксения. – Совсем с ума сошел, весь дом перебудешь.

– Ксюша, – задыхался Шишкин. – Ксения! Ты знаешь. Меня похитили эти, облака. Я был в космосе, я думал, я никогда...

– Нажрались все-таки, паразиты! – зашипела супруга. – Больше этого Васю на порог не пущу, так и знай! Ты на себя посмотри, морда зеленая, потный весь. А ну-ка быстро в кровать!

– Ксения, – у Степана от изумления открылся рот... – Милая! Ты услышь меня... Как я рад тебя видеть.

– Окончательно рехнулся, – супруга с грохотом закрыла окно.

11.

Наверное, если бы человек на секунду приобрел обоняние сторожевой собаки, он бы потерял дар речи от обилия новых запахов.

Что-то подобное происходило со Степаном. Все чувства его были обострены до предела. Обычный дворик квартирного комплекса на самом деле являлся полем изнурительной битвы. Под цементными плитами прорыты были тайные ходы, сквозь которые просачивались на соседский участок жуки с блестящим хитиновым панцирем. На жуков нападали муравьи, а несущие балки здания вот уже тридцать лет методично поедали термиты.

В кустах шуршали ящерицы, на которых охотились птицы. Казалось, Шишкин может в любую секунду взглянуть на вселенную глазами ночных хищников, потом он стал колибри, вылетевшей на ночную кормежку, и совершавшей безумные витки под сенью платана.

Соседский кот вышел на прогулку, луна отражалась от листьев, ветки хлестали по лицу, но превыше всего был дикий азарт, предвкушение мягкой плоти, перьев и хрустящих в зубах косточек.

За упоение это можно было запросто расстаться с жизнью.

А самое ужасное заключалось в том, что Степан одновременно чувствовал сигналы всех живых существ на планете.

Миллиарды насекомых. Птиц. Котов. Людей. Енотов.

Сотни тысяч в эту секунду умирали. В своей постели, от голода, под колесами автомобилей, на войне, от воткнутого в грудь ножа.

Примерно двадцать миллионов испытывали оргазм. На супружеском ложе, в поле, на пляже, в родительской квартире, в гостинице, на квартире у приятеля.

Пятьдесят миллионов были пьяны в стельку.

Соседи слева по квартирному комплексу занимались йогой, те, которые снизу, подготавливали налоговую декларацию.

Земная кора вибрировала, готовая разразиться катаклизмами. На побережье Австралии акула только что проглотила очередного серфиста.

Степан начал задыхаться. Его не в меру чувствительная антенна переполнилась впечатлениями. Хуже того, он мог одновременно существовать в нескольких временных пластах. Один Степан шагал в будущем, другой – в прошлом, третий – в настоящем.

– Ну что ты сидишь, убожество. – Ксения схватила Степана за руку и попыталась приподнять его телесную оболочку. – Тебя уже к наркологу везти, или сам проспишься?

– Ксения! – Укоризненно покачал головой Степан. – Как ты можешь.

– Ну-ка быстро спать!

– Как ты могла, Ксения Владимировна, изменить мне с Василием?

– Степан, ты с ума сошел! – Ксения изобразила возмущение, но, увидев глаза Шишкина, поняла, что ему все известно. – Нажрался, сволочь, и все тебе рассказал, мразь? Тепло пьяное.

12.

Провидческий дар Степана распространялся на незначительные временные отрезки, примерно в несколько миллионов лет. Будущие годы были страшны, в них Шишкин не заглядывал, только прищуривался, наивно полагая, что на наш век хватит.

К тому же, будущее почему-то было слегка размытым, будто окутанным дымкой. Прошлое, напротив представлялось устойчивым и четким. Отвлечись от динозавра, жующего своего собрата по эволюции, Степан наблюдал Французскую революцию, и

вслед за ней застывший в совсем недалеком прошлом греховный акт близости Ксении с соседом Василием.

Произошло все чрезвычайно пошло. Василий был в похмельном состоянии и на работе сказался больным. Выпив пару рюмок, он начал варить бульон из замороженной курицы, бросив в кастрюлю все, что нашлось в холодильнике, но вскоре обнаружил, что дома нет соли. Тогда Вася кое-как позвонил Ксении в дверь. Затем устался на нее, невыспавшуюся, в домашнем халатике, из под которого торчала ночная рубашка с глубоким вырезом.

– Привет, соседка, – зевнула Ксения. – Не спится?

– Соли бы мне... – Василий устался на декольте, раскрыв рот, а Ксения вдруг ощутила легкое, но приятное возбуждение.

– И не стыдно зенки пялить? – игриво спросила Ксения.

– Не-а, – признался Василий, распустив руки.

– Бесстыжий, – отталкивала его Ксения. – Ты чего, Вася, ты это брось. Отстань, тебе говорят!

Последующее было неловким, скучным, и отнюдь не оправдавшим ожиданий.

– Иди, Вася, домой. Проспись. И запомни, ничего не было! – строго сказала Ксения спустя час с небольшим. – От тебя до сих пор перегаром несет.

*

– Значит так, Ксения, – Степан успел мысленно заглянуть в мысли своего начальника, и торопился. – Я уезжаю.

– Степан, прости меня. Я не смогла от него отбиться, он же когда выпьет, такой шепутной.

– Не ври Ксения, мне все известно. Дочку береги.

– Степушка, – взмолилась супруга. – Господи, да что же это такое. Куда же ты в таком состоянии. Вернись, прошу тебя!

– Поздно, Ксения, поздно!

Шишкин гнал машину по ночной автостраде. Он ехал к Анатолию Ивановичу. Светофор. Горная дорога, одинокий дом на холме.

– Толя, в дверь стучат, – проснулась Галя, их сокурсница.

– А?

– Проснись, к нам в дверь кто-то ломится. Где у тебя пистолет?

– Галя!

– Кто это?

– Это я, Степан. Галя, не бойся, мне с Толей надо срочно поговорить.

– Господи, Шишкин, как ты нас напугал! Нельзя же так. Почему ночью?

– Позови Толю.

– Степан? – Анатолий Иванович испуганно моргал. – Я тебя слушаю, Степа. Что стряслось?

– А ничего, – лениво протянул Шишкин. – Я тут в космосе побывал, посмотрел сверху на нашу жизнь.

– Шишкин, если окажется, что ты пьян, или накурился чего-нибудь... Я не посмотрю, что мы вместе учились и работали.

– Ну, конечно, Анатолий Иванович. Куда уж там. Первым делом – дела фирмы. Я, собственно, по этому поводу и приехал. И скажу тебе, Толя, что никаких программ больше чинить не буду. Потому что ты всех нас предал, как последняя тварь.

– Степан, Вы ценный работник, но помните – незаменимых людей нет. – Анатолий Иванович перешел на официальный тон.

– Да брось ты ваньку валять, Толя. Будто я не знаю, что ты уже месяц, как с адвокатами переговоры ведешь. Как бы повыгодней объявить банкротство, а самому сорвать солидный куш, налогов не платить, а нас всех пустить по миру. У тебя все схвачено, продумано, предусмотрено. И куда деньги переведешь, и как отмываться будешь. Капиталист хренов, а еще секретарем комитета комсомола был.

– Степан... – «Откуда, откуда он знает? – Крутилось в голове у Толи. – Кто меня продал? Или он блефует?»

– Да никто тебя не бросил, Толик. Это просто у меня экстрасенсорика прорезалась. И скажу я тебе – мерзавец ты. Хотя, я тебя понимаю, останется несколько миллионов, на скромный домик хватит. И номер счета твой шестнадцатизначный, оффшорный знаю. Ишь, чего надумал, налогов не платить. А если я в налоговое управление настучу? Заломают твои белые ручки, посадят в зиндан, и прощай-прости вольная жизнь.

– Чертовщина какая-то. – Мелькнуло в голове у Анатолия Ивановича, и вслед за тем совсем уже криминальная мысль об убийстве, которую он, впрочем, тут же отверг, как несоответствующую ситуации и моральному кодексу.

– Ага! – Торжествовал Шишкин. – Убивать-то меня боишься, засудят, да и совесть загрызет.

– Толь, а может полицию вызвать? Он, кажется, пьяный, или рехнулся, – взмолилась Галя.

– Нет, мы с ним разберемся. Откуда ты все это знаешь? Хорошо, давай поговорим, – зашипел Анатолий Иванович, схватил Шишкина за рубашку и втащил в комнату. – Ты, Степан, войди в мое положение. Бизнес усыхает на корню, я не то, что прибыль, зарплату вам и страховку платить не могу. Нашелся покупатель, два месяца с ним договаривались – все напрасно. Еще недели две, и я потеряю все, если не объявлю банкротство. А чего ты волнуешься, получишь пособие по безработице.

– Ну, уж не лукавь, заработаешь ты двенадцать миллионов, налогов с них платить не будешь. Номер счета твой – двести тринадцать шестьсот пятьдесят семь...

– Замолчи, черт бы тебя побрал. Сколько ты хочешь, Степан? – обреченно вздохнул шеф.

– Половину. Я ее заслужил, мы ведь с тобой вместе все это начинали.

– Ты меня без ножа режешь, Степан, – простонал Анатолий Иванович.

Но Степан уже знал, что шеф согласен.

13.

Неожиданно Шишкин онемел, будто заморозился в пространстве. Анатолий Иванович тоже застыл, не закончив фразу. Светящееся серебристое облачко окутало Степана и взорвалось звездочками. К счастью, Шишкин не был знаком с механизмами локального изменения действительности, поэтому проснувшись в дворике со частично стертыми фрагментами памяти и модифицированным будущим, он совершенно не удивился.

– Черт, приснится же такое! – Степан потряс головой, попытался встать и с грохотом уронил стул.

– Чего гремишь? – Высунулась из окна Ксения. – Спать пора.

– Да и сам не знаю, заснул, видимо. Почему так головка болит?

– Я этого Василя на порог больше не пущу. – Распалялась Ксения. – Ты на себя посмотри. Каждый раз одно и то же.

– Ксюша, да не ругайся ты, – зевал Степан.

– Быстро иди спать.

– Иду, иду. Водички бы мне, Ксюш.

– Держи, и таблетку Алька-Зельцер выпей. У тебя же совещание завтра утром, забыл?

– Люблю я тебя, Ксения, душевная ты. Ты уж прости меня.

– Ах, Степан-Степан. Только обещаю мне, что это в последний раз.

– Ей-Богу, – Степан в этот момент и сам был уверен в собственной искренности. Ну его, этого Васю. И с Толей на днях поговорю, чтобы он акций подбросил. И заживем мы спокойно, хорошо – бормотал Шишкин. – Правда все будет хорошо? – почему-то разволновался он. – Тьфу ты, такое дерьмо приснилось, облака какие-то.

– Спи, Степа, Спи. Все будет хорошо.

14.

В тот далекий, весенний день о ежике все забыли. Он недоверчиво плюхнулся на землю, попытался встать на свои лапы. В голове у него шумело, он лениво подошел к дереву, и окончательно потеряв чувство ориентации, полез по стволу вверх. Оказалось, что маленькие его лапки замечательно чувствовали шероховатости ствола, коготки цеплялись за кору.

– Ой, мамочка, – вздрогнула Вика. – А я и не знала, что ежи по деревьям лазать умеют. Испугали они тебя, эти придурки, да? – Вика взяла ежа на руки. – Дурачок, чего свернулся. Не бойся меня. Хочешь печенье? Земляничное, вкусное. Ну как хочешь. Ты где живешь, здесь, в норке? Иди, иди.

Ежик затуманенным взглядом обвел родные корни и вход в нору. Лапки не слушались его, но в конце концов он фыркнул, кое-как протиснулся под корни, и зашуршал где-то под землей.

А Вика отряхнула руки, взяла портфель и пошла к видневшимся за деревьями домам, навстречу своему будущему.

15.

Спустя некоторое время, произошли два события, внешне никак друг с другом не связанные, тем более, что разнесены они были отрезком в четверть века.

В связи с профилактическими работами в котельной ЖЭК 18, прорвало трубу ТЭЦ (Тепло Электро Централы). Пока разбирались, искали ответственных товарищей, и дозванивались до районной подстанции, значительный участок лесопарка оказался под водой.

Дошла вода и до норы, в которой жил ежик. Отфыркиваясь, он выбрался наружу и в отчаянии забился в теплой луже. Тонул наш ежик, а где-то там, наверху, в недостижимом прозрачном эфире воздуха, подсвеченного рассветным солнцем, шумели кроны деревьев. Неожиданно для самого себя, ежик вцепился лапками в кору и полез вверх по стволу, Вскоре он уютно устроился на сосновой ветке, с неодобрением глядя на мутную жижу, в которой плавали старые газеты, припасенные на зиму сухие грибы и пустые винные бутылки. Через пару дней воду перекрыли, и ежик сполз с дерева, обнаружив залежи вареных червей и старых корней.

Копания Степана разорилась. Сам Шишкин, как и множество его друзей оказались на улице. Василий, к которому Степан почему-то начал ревновать Ксению, уехал в Россию. Работу Шишкину найти не удалось – времена были тяжелыми. Степан решил вернуться на родину. Стыдно сказать, за всю свою жизнь Шишкин ничего не смог отложить на черный день, долги его едва покрывались суммой, оставшейся от продажи машины. Пришлось ехать к Анатолию Ивановичу, просить денег в долг – билеты на семью, оплата багажа...

Какой-то подспудный груз лежал на душе у Шишкина. Тяжело было и Анатолию Ивановичу, пробивалось что-то сквозь подсознание, просилось наружу.

– Проходи, Степан, – со скорбным выражением лица произнес Толя. – Присаживайся. Да, видишь, как оно все получилось. Кризис капитализма, понимаешь.

Шишкин сел на диван в кабинете шефа. Дежавю спустилось мягким, окутывающим облаком – бредовый сон, ночь, перепуганный Толик, сам Степан, похищенный летающей тарелкой.

– Я за деньгами, Толя. – вырвалось из Шишкина. – Ты мне должен шесть миллионов, не забыл еще?

16.

На излучине Оки, там, где в фарватере намыло течением песчаный островок, на крутом берегу выросла дача очередного нового русского, ни дать, ни взять – теремок, обнесенный забором. Местные жители, впрочем, на хозяина не жалуются – ведет он себя скромно, из автомата по ночам не палит, дебоши не устраивает, конкурентов в Оке не топит. Есть у него только одна страсть – по всей округе повешал заморских уличных колокольчиков, поэтому звон от дачи этой идет на всю округу, пугая окрестных коров и доярок.

Сам Степан любит сидеть ночами на веранде, смотреть в телескоп на звезды (целую обсерваторию на участке выстроил), пить чай из самовара и прислушиваться к мелодичному позвякиванию.

– Опять, опять сыграли, – изредка возбужденно вскрикивает он и бежит в сад.

– Что на этот раз? – лениво спрашивает Ксения, оторвавшись от глянцевого журнала мод.

– «Там, вдали за рекой», – сконфуженно признается Степа. – Кажется. Или «Орленок, Орленок, взлети выше солнца».

– Выпил бы ты рюмочку коньячку, расслабился. А то всех уже своими колокольчиками замучил.

– Ээх, Ксюша, – отмахивается от нее Степан. – Понимала бы чего. Тайна сия великая есть, – грозит он пальцем небесам, и наливает в стакан еще чаю.

.oOo.